

Елена В. Кладова

Лоскутное одеяло

Елена Владимировна Кладова

Лоскутное одеяло

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63724163

Лоскутное одеяло: Издательство ИТРК; М.; 2020

ISBN 978-5-88010-737-7

Аннотация

Судьба человеческая, словно лоскутное одеяло. Река жизни несёт эти кусочки в неизвестность, оставляя в душе счастливые или горестные воспоминания. Эти истории любви, запечатлённые в художественном слове наблюдательным и тактичным автором, согреют ваше сердце. С некоторыми персонажами вы уже познакомились в предыдущей книге Е.В. Кладовой «Сказки вечного папоротника».

Книга предназначена для читателей всех возрастов, любящих качественную отечественную прозу.

Содержание

Лида	5
Свиной пяточок и большая любовь	18
Ирина	36
Света	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Елена Кладова

Лоскутное одеяло

*Эх, судьба, одеяло лоскутное,
Разноцветье квадратиков-дней.
Ярко-пёстрые иль серо-грустные,
Каких только не сшито на ней!*

*У кого-то сатинчиком скромненьким,
У кого-то парчою лежит.
Из поступков, из дел его собрано
Полотнище прожитой судьбы.*

© Кладова Е.В., 2020

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2020

Лида

В курилке аэропорта одиноко и задумчиво сидела женщина. Она сидела там довольно долго, курила, пила кофе, и ни на кого не обращала внимания. Её одиночество было одиночеством королевы, среди бесчисленной толпы – и всё-таки отдельно. словно окружённая невидимой стеной, эта женщина разительно отличалась от мельтешащих, суетящихся вокруг, ожидающих отлёта пассажиров. Внешне она казалась совершенно спокойной. Лицо не выражало никаких эмоций, фигура оставалась неподвижной. Только непрерывно мелькали руки, и пепельница наполнялась окурками.

Эта женщина не была красавицей. Но было в ней нечто большее, чем красота, и все, кто её замечал, невольно задерживали взгляд. Изысканная простота костюма никого не могла обмануть. Неброские элегантные украшения, сумочка и туфли говорили о том, что это женщина с достатком. И с большим достоинством.

В самом деле, Лидия Ивановна Куприянова была дамой, достойной во всех отношениях. К сорока с лишним годам она во многом достигла успеха. Являясь владельцем и руководителем прибыльной фирмы, Лида не испытывала никаких материальных затруднений. Тысячи и тысячи женщин позавидовали бы ей. Довольно молодо выглядящая, сохранившая стройную фигуру и лёгкость в движениях, при

небольшом росте никогда не бывшая невзрачной и незаметной, Лида производила впечатление хозяйки жизни. Во многом она и была именно хозяйкой. Для подчинённых – уважаемый шеф, для родни – надежда и опора, для близких друзей – надёжное плечо.

Но было в её во всём успешной жизни одно немаловажное «но». И это «но» уже несколько лет заставляло Лиду жить двойной жизнью. Преуспевающая, сильная, имеющая всё – это внешнее. И безумная тоска и боль внутри, порой не дающая ни жить, ни дышать. Потеряв мужа, любимого той редкой и яркой любовью, какая не всем и не часто выпадает, Лида словно потеряла огромную часть самой себя. Со всем она прекрасно справлялась, а вот с собой справиться до сих пор не могла. Горячая и страстная, она хотела бы вновь обрести любовь, обычное бабье счастье, но никак не могла. Пробовала, и не раз, благо претендентов на роль любимого имелось достаточно. Но не вспыхивала, не загоралась. И обрывала едва начавшиеся отношения, не желая никого обманывать. Ну что она могла поделать, если Серёжка ни на минуту, ни на секунду не оставлял её, если она думала и тосковала о нём постоянно? Прекрасно понимая, что так нельзя, сделать не могла ничего.

И вела себя сейчас так гордо и независимо, потому что боялась. Боялась не перелёта, не чего-то там, чего обычно опасаются туристы. Лида боялась себя.

Она придумала эту поездку, чтоб дать себе встряску, чтоб

вновь пережить счастливое прошлое и... избавиться от него. Наверное, зря.

Лететь туда, где они были так счастливы вдвоём, лететь одной, с кровотокающей до сих пор душой и израненным сердцем, сейчас казалось Лиде совершеннейшей глупостью. Но менять решения она не привыкла. И если не вышибет клином клин, не сотрёт болью боль, придётся смириться и жить дальше в холодном одиночестве.

Лида глянула на часы. Пора выходить, скоро посадка. Резким движением затушив сигарету, она поднялась, расправила плечи и пошла, на ходу стряхивая печальное оцепенение. Всё, хватит! Сергея нет, а она – есть. И будет жить за себя и за него. Её ждёт тёплая, весёлая, любимая страна, море, пальмы и солнце. А здесь остаются крепкий бизнес, верные друзья, надёжная семья.

При мысли о семье на душе у Лиды потеплело. Смотря в кино или читая в книгах о жестоких родителях, злых свекровях, подлых родственниках, она всегда недоумевала и расстраивалась. У них было совершенно иначе. Родители, Анна Степановна и Иван Николаевич, нежно любили друг друга, хотели много детишек. Они выстроили большой дом, мама Анны Степановны к ним переехала, Надюшка родилась, потом Лида. Судьба одарила родителей лишь двумя дочками, больше детей не случилось.

Девочки были совершенно разными, но одинаково любимыми. Надя пошла в маму, выросла статной, очень краси-

вой, белокурой, белокожей. А Лида отличалась от всех, была невысокой, смугловатой, с густыми чёрными бровями над прозрачными светлыми глазищами. И красоты ей не досталось, скуластенькая, с крупным носом и маленьким ртом, она девочкой приставала к маме:

– Почему я страшная?

Мама улыбалась ласково и утешала:

– Какая ж ты страшная? Ты красивая у нас необычайно. Глаз таких ни у кого нет, бровей тоже. А волосы? А фигурка?

И Лида уверилась в том, что симпатична, никогда больше не комплексовала и не переживала. Да и чего ей было переживать? Добрая бабушка, ласковая мама, заботливый папа, всегда открытый для гостей дом – чего ещё желать. А внутренний огонь всегда привлекал к ней внимание, вокруг постоянно толпились друзья и поклонники. Поклонники Лиду мало интересовали, да и всякие девчачьи штучки тоже. С детства она хвостиком следовала за папой, сельским инженером, совала нос в моторы, крутила гайки.

Пока Надя шила нарядные платьица, присматривалась к кулинарному искусству бабушки Матрёны, заводила романы и влюблялась, Лида научилась управлять трактором и водить грузовик. Ей было интересно учиться, и с книжками она не расставалась никогда. После школы легко поступила в институт, хотела стать программистом, новые технологии активно вторгались в жизнь.

А вот Надя учиться не хотела, считая, что её красоты

вполне достаточно для счастья в личной жизни. Рано вышла замуж, родила Катюшку. Молодая семья часто приезжала в гости, Лида притаскивала институтских друзей, в доме всегда было шумно и весело.

Горе пришло неожиданно. Папа, молодой и никогда не жалующийся, сгорел от рака за несколько месяцев. Лида хотела бросить учёбу, остаться с мамой, та запретила категорически:

– Учись! Ты же не можешь подвести папу, он так в тебя верил! А я справлюсь.

Она справилась. Горе своё не тешила и никому не показывала, но теперь Лида прекрасно понимала, каково приходилось молодой и красивой женщине одинокими ночами. Сама она справлялась куда хуже.

С Серёжкой Куприяновым училась на одном курсе и поначалу просто дружила. Здоровый увалень в очках особо не интересовал. А потом разглядела, влюбилась, да так, что земля звенела под ногами. Они поженились, и не было женщины счастливее Лиды почти двадцать лет.

Серёжкины родители не отпустили молодую семью от себя, и Лиде в голову не приходило быть недовольной. Валентин Сергеевич с Натальей Ивановной приняли её сразу как родную дочь, считая, что делающая их сына счастливой девушка – лучшая на свете. Старшие Серёжины братья-близнецы разлетелись по столицам, жили с семьями один в Питере, другой в Москве, родители по ним скучали, хоть и обща-

лись постоянно, и с Сергеем расставаться никак не хотели.

Лида с Серёжкой не возражали. В большой квартире всем хватало места, налаженным бытом командовала Наталья Ивановна. Она давно уже не работала, муж, известный в городе стоматолог, прекрасно обеспечивал семью, а жена растила детей, содержала в идеальном порядке квартиру и дачу, а готовила так, что тарелки пустели в один момент.

Лиде было велено не соваться на кухню, а думать о продолжении рода. Они думали, конечно, и старались, ой, как старались, молодые и любящие! Родились девочки-двойняшки, всем на радость, а Серёжка призадумался. Зарплата невелика, семья выросла, и он заявил, что пора открыть своё дело. И выполнил задуманное. Начинаясь с маленькой комнатки компьютерная фирма занимала целый этаж солидного офисного здания, была известной и уважаемой. Лида стала работать с мужем, подрастив девчонок и передав их бабушке. Она сама искала заказчиков, заключала договора, нанимала толковых ребят, изучала бухгалтерию, штудировала юридические справочники. Всё это принесло плоды, и немалые.

У Сергея и Лиды появились шикарные кабинеты, а в приёмной воцарился Валерка-секретарь. Валерика сосватала Наталья Ивановна, он приходился внуком её близкой подруге. Когда-то они вместе учились на филологов, работали в одной школе и дружили всю жизнь. Бабушка просила подыскать работу закончившему университет внуку, и по-

друга взялась поспособствовать. Куда пристроить вчерашнего студента (тоже филолога), Лида с Сергеем не знали, но и отказать Наталье Ивановне не могли.

Валеру пригласили на собеседование, парнишка им понравился, но что толку! В их деле его знания пригодиться не могли. Единственная вакансия – место секретаря, поскольку прежняя секретарша уходила в декрет. Лида, скорее шутки ради, предложила эту должность, а Валерка серьёзно согласился. Вместо привычно-стандартной красивой девушки-секретаря у них появился симпатичный юноша-секретарь.

Валерка оказался незаменимым. Он умел разговаривать и уговаривать, ничего не забывал и не путал, печатал без ошибок, всегда был выдержан и исполнителен. Его даже переманивать пытались, но безуспешно – уже несколько лет образцовый и исполнительный референт безупречно нёс свою службу у Лиды в приёмной. У Валеры был единственный недостаток: он никогда не задерживался после работы. Его очень хорошенькая и очень ревнивая жена требовала прихода мужа к ужину в строго установленное время, опоздание каралось сурово. Ксюша заявила, что если человек не успеет сделать дело в рабочее время, то он никудышный работник, а Валерка таковым не является. Лида была с этим согласна полностью, за рабочий день Валерик успевал сделать всё, и даже больше, а уж кофе она и сама себе сумеет сварить.

Когда Лида осталась одна, она в полной мере оценила Ва-

леркину помощь. Он тактично и ненавязчиво следил за её расписанием, помогал и поддерживал, приносил кофе без напоминаний, а именно когда требовалось. Лида не сразу пришла в себя и вернулась к нормальной работе, а Валера смог сделать так, чтобы это произошло быстрее. Не дал за-сесть в рыданиях дома, приставал с вопросами, вызывал в офис, и Лида взяла себя в руки, снова сосредоточилась и стала деловой женщиной. Без руководства любое дело развалится, а Лиде очень не хотелось, чтобы Серёжкино детище пострадало.

Серёжкин кабинет долго пустовал, но недавно у Валерки появился второй начальник. Нежно любимая Лидой племянница Катя вышла замуж за замечательного парня. Катюшка у них была вообще сказочной красавицей. Лида опасалась, что она тоже сделает внешность залогом успеха, как и Надя, но племянница старательно училась, была любознательной и неглупой. Парнями, конечно, вертела, как хотела, и головы кружила им, и расставалась без жалости, но ничего серьёзного. Катя была немножко избалованной и эгоистичной, и хотела многого, однако ей встретилась такая любовь, что изменила девчонку до неузнаваемости. Теперь они с Денисом работали у тётки-начальницы, и Лида была этому очень рада.

Она долго и старательно зазывала Дениску в заместители, у него было множество достоинств, и Лиде позарез нужен был такой помощник. Уговорила – и ни секунды не жалела, ей стало намного легче, и делу на пользу пошло. Катя при-

шла в бухгалтерию, но Лида подозревала, что ненадолго. И точно, Катя ждет ребёнка, и это здорово!

Ну, Катька-то ладно всё, как положено, а вот матушка её, сестрица Лидина, удивила так удивила. Она давно развелась с мужем, порхала от романа к роману, не становясь с возрастом менее легкомысленной. А встретила первую любовь, разожгла её снова, и не побоялась и в ЗАГС¹ сбегать, и ребёнка зачать. Малыша ожидали через пару месяцев, и Надежда уверяла, что будет мальчик.

– Давно пора мужиков рожать! – соглашалась Лида. – А то всё девки да девки.

У неё самой, как и у мамы, после дочек больше дети не получились, и врачи не обещали ничего. А ей так хотелось похожего на Серёжку мальчика! Лида безумно любила своих девочек, Инна с Ниной очень много взяли от отца, но мальчишку всё равно хотелось. Да что уж теперь, не будет больше ни Серёжки, ни мальчишки. Зато будет отпуск!

Очередь двигалась, стойка приближалась, и Лида полезла в висящую на плече лёгкую сумку. Большая, с купальниками, шлёпками и шортами, давно уехала по резиновой ленте транспортёра, и наверняка уже дремала в холодном самолётном брюхе в ожидании долгого перелета.

В поисках посадочного талона Лида наткнулась на небольшую книжку. Её перед расставанием сунула Лиде близкая подруга. Марина провожала приятельницу в аэро-

¹ Территориальный орган записи актов гражданского состояния. – *Прим. ред.*

порт и, помимо напутствий, презентовала печатное издание.

– Глянь, какой пирог мы с Вадькой испекли! – гордо вещала Марина. – Только что из печки! Вкушать будешь с наслаждением.

Марина Петровна Уварова была владелицей и управляющей крупного банка, как и Лида, деловой и сильной женщиной, но не растеряла душевных качеств, и была человеком очень добрым и светлым.

С Мариной Лида познакомилась не слишком давно, но сдружилась сразу и накрепко. Маринин сын, Вадим, совсем неизбалованный мамой-банкиршей, получив педагогическое образование, не стал искать тёплого и сытого места в какой-нибудь престижной гимназии. Неожиданно для всех, он взял да и рванул в деревню, пусть не самую глухую, но всё же отдалённую, откуда Лида была родом. Сразу стал директором маленькой школы, обжился, прижился и пребывал вполне на своем месте.

И жену там нашёл. Галку Лидина семья считала практически родной, рано осиротевшая девочка выросла вместе с Катюшкой, и Лида во всём старалась помочь Галинке. Но та и сама сумела справиться со всеми невзгодами. Выучилась на медсестру, вела дом, хозяйство, с огорода урожаи собирала дивные. Всегда лёгкая, неунывающая, летала по селу, с улыбкой и светом в глазах. И судьба послала ей подарок в лице Вадима. Вадька без памяти влюбился в нежную скромницу, так не похожую на ярких городских девиц из его преж-

него окружения. Лида не видела более счастливой пары и от души радовалась за ребят. У них подрастала дочка, в город переезжать молодая семья не собиралась, хоть Марина изо всех сил переманивала. Она горячо любила сына, всей душой приняла Галку, а уж когда появилась внучка, утроила усилия:

– Ну поедem со мной! – ныла, как маленькая, весьма солидная дама. – Я вам квартиру куплю, с малой сама сидеть буду. Ну поехали-и-и! Или хоть внучку мне отдайте!

Крепко прижимала к себе крошку-Катюшку, пухленькую девочку с зелёными глазами-крыжовинами, как у папы и бабушки. Поняв, что уговорить не удастся, решительная банкирша нашла выход. Марина просто прикупила себе домик неподалёку от избы сына, и с удовольствием туда наезжала в любое свободное время. И дети рядом, и не стесняет никого. Теперь она принялась уговаривать сына с невесткой, чтоб они незамедлительно родили ей ещё и внука.

Обнаружив увлечение Вадима местными сказками и байками, которые он выслушивал от деревенских жителей, записывал и сохранял, Марина взяла да издала за свой счёт сборник этих самых сказок. Как раз накануне Лидиногo отъезда мама автора забрала весь тираж из типографии.

– Всё-таки Вадька у меня – гений! – продолжала беззастенчиво хвастаться гордая мать. – Жену выбрал – умницу, дочку родил – красавицу, да ещё и сказки рассказывает, небылицы рассказывает. Вун-дер-кинд!..

Марина Петровна по праву гордилась сыном. Такие, порядочные и умные, встречаются нечасто, а Вадима даже придиричивые и критичные деревенские бабульки полюбили и зауважали, охотно с ним беседовали и множество всяких небылиц понарасказывали. Так что развлечение в полёте Лиде было обеспечено. Почитает, поест, ещё почитает, снова поест – и здравствуй, Сиам!

Ах, как Лида любила когда-то Сиам, Таиланд нынешний! Любит и сейчас, но тогда, когда они с Серёжкой были вдвоём, эта страна казалась ей сказкой. И что там ждет её одну? Снова в душе за клубились густые волны печали, но Лида сумела их прогнать. У неё отпуск, и настроение должно быть только позитивным.

Кстати, о сказках. Любопытно же, что там Марина ей подсунула. Скромная обложка поведала: «Сказочки от Галочки». Ай да Вадим! Ну, куда же он без Галочки. Она первая ему сказки и начала рассказывать, знакомя с деревенской историей, укладом, обычаями. Лида сразу поняла, откуда всё пошло. Когда-то жила в их селе дивная сказительница баба Лиза. Вот уж мастерица была и на сказки, и на байки! Старушка была одинокой, а Галка стала ей ближе всех, роднее родной внучки, вот и наслушалась всего, и запомнила. Вадим всё это собрал и сохранил, постоянно выпрашивал у местных жителей что-нибудь интересное, записывал, обрабатывал – папка в компьютере увеличивалась постоянно. Вот и вышел сборник сказок.

Марина нашла эти записи, и, выступив в роли спонсора, выпустила в свет необычную книжку, чтоб и другие смогли прикоснуться к такому наследию предков.

– Не ради славы я это делаю, не ради денег, – заявила она. – А пусть люди читают и верят, что есть любовь, что добро побеждает зло, что счастье – оно есть, и оно возможно.

Лида удивлённо глянула на совсем не сентиментальную подругу. От неё такой чувствительности трудно было ожидать. А та добавила:

– Да, мир не идеален и порой жесток. Но мы-то не должны быть жестокими! Так что вот тебе, проникайся!

Лида так увлеклась чтением, что совсем не замечала времени. И вправду проникалась. Словно в детство нырнула, в какую-то беззаботную лёгкость. И вера в чудо откуда-то пришла, и ожидание этого самого чуда нахлынуло. Сказки, оказывается, в любом возрасте нужны, на то они и сказки.

Свиной пяточок и большая любовь

Жили-были в селенье одном старик со своею старухою. И было у них два сына, Тимофей да Еремей. Тимоха с малых лет рос хозяйственным: лопаты не чурался, вилами орудовал, топором махал. За водой сходить, огород вскопать, дров нарубить – это всё Тимофей. А ростом невелик, голосом тих, обличьем невиден. И отец с матерью его не ласкали, не баловали, словно не замечали.

Сладкие кусочки, лучшие обновки – всё ненаглядному Ерёмушке. Красавец вырос, телом богатырь, лицом хорош – глаз не отведёшь. Для родителей чадушко любимое, свет в окошке. И не видели они, что неумеха и бездельник растёт. С кровати сползти, до стола дойти, и то:

– Неохота!

Матушка ему в постель пирожки тащила, батюшка чаёк подносил.

Да только старели старики, дряхлели, и призадумались: сыновей-то женить надо. Тимофей, тот с радостью, хотелось ему отделиться, своим хозяйством жить, а не на братца пахать. Еремей же знай своё:

– Неохота!

Любая б невеста за него пошла, да, вишь, жениху «неохота!». А за Тимоху что-то девки не шибко замуж рвались. Не дождались старики свадеб, расхворались и померли в одно-

часье. Еремей так с лавки и не слезал, а Тимофею на всём хозяйстве тяжело приходилось. Пошёл он к свахе тамошней, деньжонок посулил, платок цветастый подарил, та и расстаралась. Высватала девку, хоть и не красавицу писаную, а и вовсе корявенькую, зато домовитую и с немалым приданым. Характером, правда, Матрёна дерзка была, и на язык остра, но с Тимофеем всё у них любо-дорого сладилось.

А вот Еремея вредная баба сразу невзлюбила, круто за него взялась. То и дело пинала: сделай то, поделай это! Он ей на всё: «Неохота!», так Матрёна в ответ:

– Есть не дам!

Сам бы взял Ерёма, так на всех шкафах да чуланах замки повешены, а ключи у Матрёны в надёжных руках. И корки сухой у неё не выпросишь:

– Вот поработай поди, а потом за стол иди! За просто так кормить не буду!

Да вот только работник из Еремея никакой. За водой пошёл – ведро в колодце утопил. За дровами выехал – телегу в болоте засадил. А братец совсем бесчувственный, в одну дуду с женошкой дудит:

– Вот, помайся теперь, помыкайся! Это папенька с маменькой тебя с ложечки кормили, пока я вкалывал. Так нету их, сам давай пропитание добывай!

И невесты все куда-то подевались: кому бездельник и лежебока нужен! А Матрёна изводила-изводила Ерёму, да и вовсе выгнала. Выставила за ворота, да засов изнутри задви-

нула. Ворота крепкие, забор высокий – нет пути назад.

И пошёл Еремей куда глаза глядят. Глаза глядят плохо, слёзы в них копятся. Ноги и того хуже идут, не привыкли они ходить, ноги-то. По дороге ещё худо-бедно, ковылял Ерёма, а как в лес забрёл – так и дух из него вон.

Сел бедолага под деревце, заплакал горько:

– И куда ж мне, горемычному, податься? И куда же мне теперича деваться?

Пить хочется Ерёме, есть хочется, а папки с мамкой нету, пирожков никто не испечёт, молочка не нальёт. Гриб нашарил парень, надкусил – и тут же выплюнул, больно горек. Ягод в горсть набрал, пожевал – сморщился, кислей кислото ягоды. Так и жизнь у Еремея теперь, кислей кислото, горчей горького. Совсем тошно Ерёме, хоть ложись и помирай. Вот и лёг головой на кочку, ручки сложил, ножки протянул, погибели ожидая. Коли с голоду не помрёт, так звери дикие растерзают, мало ли их по лесу шастает. А то и змея укусит, медведь задавит.

Вот уже и ветки хрустят, не иначе тварь зубастая подбирается, добычу чует. Глазки закрыл Еремей, погибель неминуемую ожидая, с жизнью совсем уж распрощался. Лежит, трясётся, как листок осиновый, всё, думает, кончается жизнь, толком не начавшись. И слышит вдруг над головой сердитый женский голос:

– Это кто это у меня тут бревном валяется? Травку мнёт, пройти не даёт? Быстро сказывай, кто таков и чего в лесу

моём забыл?!

С перепугу сразу вскочил Еремей, глаза вытаращил. Глядь – стоит перед ним тётка, с виду обыкновенная, юбка на ней с каймой, кофта с вышивкой, платочек нарядный шёлковый на голове повязан. Лет бабе ни много, ни мало, не девица красная, но и не старуха старая. Видом пригожая, только глаза, чёрные, глубокие, словно насквозь прожигают, аж мурашки здоровенные по телу побежали.

– Еремей я, тётенька! – еле выговорил скиталец бедный. – Из дому родимого братец с женой меня выгнали, деваться боле мне некуда. Шёл я, шёл, да сюда нечаянно зашёл. А вы-то кто, тётя?

– Племянничек нашёлся! – фыркнула баба насмешливо и огорошила: – А колдунья я здешняя, ведьма Глафира.

Тут уж душа у Ерёмы и вовсе в пятки ушла. Эвон как, на ведьму напоролся. Это, пожалуй, пострашней медведя будет. Вот где ужас-то! А ведьма, знай, глазищами буравит, вопросами пыгает:

– И за что же тебя, сердешный, из дому-то попёрли? И что ж другой дом себе не построишь, по лесу без дела шатаешься?

Всё, как на духу, рассказал Еремей, во всём признался. И что делать ничего не умеет, и что неохота ничего делать-то, поведал.

– Вот значит как! – сдвинула сурово тёмные брови Глафира. – Лодырь ты, выходит, и никудышный человек! Мне

такие ни к чему, у нас в лесу все при деле. В жабу, что ли, тебя превратить? Будешь комаров изводить, аль цапле на обед сгодишься. Всё польза!

– Не надо, тётенька! – слёзно взмолился Еремей. – Не надо в жабу!

– Так на что ты ещё годишься? – всё ещё сердито спросила ведьма. – Ни толку от тебя, ни проку, не мужик, а видимость одна.

– Я исправлюся! – бухнулся Еремей на колени. – Честное слово!

– Ты клятвами-то не разбрасывайся! Слово дать легко, да сдержать непросто. Ладно уж, попробую поверить. Поживёшь у меня пока, делать будешь всё, что велю. – Тут голос Глафиры зазвучал совсем зловеще: – А как услышу «неохота», вмиг превращу, нет, не в жабу. В кабана. Понял? В каба-на!.. Видно ты, как и он, только жрать да спать горазд.

Уж как Ерёма обрадовался! Клялся и божился, что всё сделает, на всё согласен. Шёл за ведьмой по извилистой тропке и бормотал, не переставая:

– Спасибо, тётенька! Спасибо, милая!

Долго ли, коротко ли шли, да до места добрались. Глафира шагала легко, словно по воздуху плыла, а у Ерёмы ноги заплетались, но брёл, не отставал.

Дом у ведьмы оказался вовсе не избушкой на курьих ножках. Изба огромная, крыльцо высокое. Рядом сарайка, в загончике курочки гуляют, корова, слышно, мычит. За домом

сад виднеется, огород. Опечалился Еремей, видя такое хозяйство, поболее, чем дома у них было. А ведь он работать обещался! Сбежать, может?

Ведьма вмиг такие мысли услышала, в калитку парня толкнула и на замок за ними ворота замкнула.

– Подрядился? Так давай, исполняй. Сейчас напою, накормлю, спать уложу. А с утраца и возьмешься за дело. Да слова мои помни!

Увидавши на столе кашу с молоком, пироги да блинчики, про всё позабыл Ерёма. Подъел со стола все чисто-начисто, потянулся богатырски, зевнул широко.

– Здоров ты лопать! – хмыкнула Глафира. – Поглядим, каков работник будешь. А теперь можно и на боковую. Пойдём, я тебе там, в каморке, постелила.

Еремей к пуховым перинам да пышным подушкам привык, но и соломенному тюфяку и лоскутному одеяльцу обрадовался. Как на подушку голову опустил, так и в сон провалился.

Кажется, вроде только прилёт, едва заснул, а уж Глафира его трясёт, подымает:

– Вставай, лежебок! Утро наступило, дела дожидают. Умывайся, завтракай – и вперёд!

И пошло-поехало! Навоз из сараев убрал Еремей, воды во все бочки натаскал, двор подмёл. Умаялся, хотел в холодочке прилечь, а хозяйка тут как тут:

– Солнышко высоко, работай, лежебока!

Вот ведьма! И с обеда дел нашла, никакого покоя. Уж с ног работник валится, а она знай своё:

– За дело!

День простоял Еремей, другой выстоял, а на третий беда и случилась. Заснул бедолага с устатку под смородиновым кустом, где ягоду собирал, тут Глафира его и подловила. Подскочила с криком:

– Дрыхнешь, лодырь? А работать кто будет? Вставай давай!

А Ерёма-то спросонья ей в ответ:

– Неохота!

Разозлилась ведьма вмиг не на шутку, ничего слушать не стала, да и выполнила обещанное. Пошептала чего-то, повертелась, топнула, хлопнула, свистнула – и обернула-таки парня в кабана!

– Вот так, свин!.. – воскликнула Глафира довольно. – Да за тебя кучу денег выручить можно. Ещё подкормлю до осени – и на базар. Озолочусь!

Хочет Еремей слово вымолвить, а не может. Только хрюк получается. А понимать-то всё понимает. Эх, да лучше б он сразу в лесу помер!

И стал жить Ерёма в хлеву. Подстилку ему мягкую стелют, до отвала кормят, и работать никто не заставляет. Не о такой ли жизни он всегда мечтал? Да разве это жизнь?! Ох, Ерёмушка, несчастная головушка, и зачем ты только на свет уродился. А ведь осень-то не за горами, страшно даже и по-

думать, что его ждёт. Зарежут кабанчика, а он и пожить не успел, и любить не любил.

А дни так и бежали за днями, не знал Ерёма, сколько ему осталось, но чуял – недолго. Глафира своего не упустит. А пока ел да спал Еремей, спал да ел. Да и куда ему было деваться? Замок копытцами не открыть, забор высоченный не перепрыгнуть. А и уйдёт, в таком обличье одна дорога – на зуб кому-нибудь. Ой, тоска зелёная! И не удавишься от такой тоски: как копытами петлю вязать? То-то и оно, что никак.

Тосковал в хлеву Ерёма, а к Глафире гостя припожаловала. Слышит как-то, ведьма с кем-то разговаривает, и смеётся вроде радостно. Испугался он за свою шкуру, неужто его час пришёл, по его душу кто-то прибыл. До того гостей у Глафиры не водилось. Приходили за делом, да дальше ворот ведьма никого не пускала. Встретит – проводит у калитки, а во двор всем дорога заказана.

А тут прямо соловьём разливается, привечает кого-то радостно. Высунул Еремей рыло в щёлку, уж больно поглядеть на гостью охота! Увидал – и сердце в груди под слоем сала затрепыхалось. Прибыла к Глафире девушка молоденькая. Собой невеличка, ясноглазая, шустренькая, как капелька живая. Не сдержался Еремей, вздохнул жалостливо-горестно. Эх, судьба-злодейка! Такую бы любушку человеком повстречать, а со свиным рылом куда сунешься!

А девчужка-то стон-хрюк услышала, в сарайку заглянула, ладошками всплеснула:

– Вот так боров у тебя, тётушка! Целый слон!

– Ну, слон не слон, а кабан и вправду справный, Машенька. Целое богатство тут на соломе лежит.

Машенька Ерёму за ухом почесала, по морде провела. И знать не знает девица, что добра молодца оглаживает. А у молодца аж слёзы из глаз, и сердце всё чаще бьется. Заподозрила Маша неладное, обернулась к тётке:

– Что-то странный какой-то у тебя кабан. Опять балуешься?

– Балуюсь! – весело призналась ведьма. – Да пойдём, наконец, в избу, племянница дорогая. Там за чаем с пирогами всё тебе и обскажу.

Ушли они, а Еремей, знай, думу свою печальную думает. В кои-то веки девушка встретилась, в душу запала, а как её объяснить, что не боров он вовсе, что под шкурой щетинистой сердце человеческое болью исходит!

Еремей в хлеву страдал, а Маша с тётушкой за богатым столом чай распивали и беседы беседовали. Кому ведьма Глафира, а кому родня сердечная. И тем угощает племянку любимую, и этим потчует. А у Маши странный свин из ума не идет, страсть как любопытно всё про него узнать.

– Признавайся, тётя, опять мужик тебе не угодил? Первый-то твой муж до сих пор, поди, в лесу медведем бродит?

– Не-а! – беззаботно откликнулась Глафира. – Не бродит. Охотники подстрелили, так он теперь в богатом доме шкурой у камина лежит.

– И не жалко? Всё ж мужем был тебе, вы и лет немало с ним прожили. Чай, любила?

– Не-а! Не жалко! – опять хохотнула тетка. – Нечего было по бабам бегать, меня сердить.

Ну, вот что с ней поделаешь. Ведьма – она ведьма и есть. И бабушка Машина ведьмой была, и прабабушка. Мама Машина и Глафира – близняшки, и при том разные. Нюраша тихая и мягкая уродилась, а Глаша боевая и решительная. И дар ведьминский она унаследовала, а передать хотела Маше, своих детей у колдуньи не было.

Но Маша не больно-то в ведьмы рвалась: она с мамой и папой в городе жила, обычной жизнью, и без колдовства прекрасно обходилась. Но у тётки в лесу гостила всегда с удовольствием. А Глафира надежду не теряла, племянницу всячески привечала и баловала. Торопить, правда, не торопила, девка-то молодая совсем, а сама Глафира ещё в силах. Но Машка упиралась из всех сил, не хочу ведьмой быть – и точка!

– А ты всё-таки подумай! Наш дар сильный, жалко такой терять. И добра сколько сделать можно!

– А зла сколько? – отбивалась Маша. – Я ж, как и ты, горячая, рассержусь, разойдусь, и такого в сердцах натворю!

– Оно верно. – Согласно кивнула Глафира. – Я вот нечаянно тоже... сотворила. Кабан-то у меня и впрямь непростой. Какой парень был!

И тётушка поведала всю Еремееву историю. Маша слуша-

ла, ахала, охала, а после потребовала строго:

– Превращай обратно! Это уж слишком, ты ж не злобная баба Яга.

Глафира вздохнула:

– Не злобная. И самой жалко. А не могу! Обратный оборот не под силу мне. Сгоряча обернула мальчика в кабанчика, а назад – никак.

И добавила вкрадчиво:

– Вот если ты поможешь...

– Опять за своё! Сказано, не хочу колдовать.

– Тогда и кабан на колбасу пойдет!

– Придумай что-нибудь!

– А нечего придумать! Или дар берёшь, или из Ерёмы око-роков понаделают!

Долго кипятились и ругались родственницы, но так ни до чего не договорились. Глафира сдалась первая:

– Ладно, утро вечера мудренее. Давай спать укладывать-ся. А то воюем, как дикари какие! В кои-то веки племяшка приехала, не ругаться ж со мной, а в гости.

Заснуть Маша сразу не смогла, всё думала. Так и не додумавшись ни до чего путного, всё-таки заснула, и видела во сне добра молодца с ясными глазами.

Гостит Маруся у тётушки день, гостит другой, в лес ходит по грибы-ягоды, в огороде помогает. И к Еремею каждый день не по разу забегает, поговорит ласково, погладит, за ушком почешет. А он пятаком водит, похрюкивает, глаза-

ми голубыми в самую душу заглядывает, совсем такими глазами, как у добра молодца из Машиного сна.

Хитрая тётка за всем этим наблюдает и подзуживает:

– Можешь, можешь свиное рыло в светлый лик превратить. Нет, ну если колбаски свиной хочешь...

И дожали-таки бедную девушку с двух сторон! Согласилась Маша получить ведьмацкую силу, лишь бы Еремея от гибели лютой спасти. Подумаешь, ведьма! Их теперь на костре не жгут, головы не рубят, на дереве не вешают. Да и вовсе не обязательно колдовать-ворожить. Будет жить, как жила, зато и Ерёма жить будет.

Глафира за обучение рьяно взялась, древние книги из сундука достала, сама целые лекции начитывала, зельем каким-то поила. Потом ещё и экзамен строгий устроила, придиралась, как могла. Но Маша наша – девушка неглупая и образованная, справилась на «отлично». В полночь при полной луне старшая ведьма молодую посвятила окончательно и сказала довольноно:

– Зов крови не обманешь! Наша ты вся. Опыта нет пока, а сила в тебе великая. Сумеешь правильно распорядиться – прославишься.

– А Еремей? – Машу пока только это и интересовало.

– Да прямо завтра и обернём дурака обратно. – Глафира вздохнула притворно. – Эх, денег-то я не заработаю! Ну да ладно, обойдусь. А если не исправится ленивец после этого, так и знай, снова в свина превращу!

На пару ведьмы без труда Еремея опять человеком сделали. Он-то Машу, едва увидев, полюбил, ещё в теле поросячем пребывая. А она, парня разглядев, тоже чувствами прониклась.

Пока у Глафиры жили-были, любовь все крепла. Ерёма урок усвоил крепко-накрепко, напрочь своё «неохота!» забыл, любую работу выполнял играючи. С Машей всё сладилось-наладилось, поехали благословения у родителей просить. Свадебку сыграли и зажили счастливо. Жена-то молодая лишь по работе ведьмой была, дома – супруга любящая и заботливая. Да только муж всегда помнил, что на ведьме женат, не потрафишь чем – и вмиг в болоте жабой окажешься, или козлом на лугу.

...Самолёт летел себе и летел, а Лида читала. Отвлеклась на обед и ужин, подремала немножко, и снова погрузилась в книжку. Она не замечала, как пролетают эти полётные часы, и на соседей внимания не обращала, и словно не видела снующих мимо стюардесс. Только почувствовав, что закладывает уши, Лида с удивлением обнаружила: а они ведь снижаются. Надо же! И настроение уже совсем другое. Нет напряженной печали, испарилась. Пришло лишь нетерпеливое ожидание встречи с любимым местом на планете. Много где бывала Лида, много чего повидала, но нигде так не дышала полной грудью, нигде не ощущала всей кожей такого родного тепла. Вот любила северянка эти тропики, и всё тут!

Посадка, сутолока в аэропорту, дорога к морю тоже пролетели незаметно. Выбранный Лидой отель был совсем новым. Еще с Серёжкой они мечтали в следующий прилёт пожить именно в нём, обнаружив при прогулке строящееся шикарное здание. Уже тогда было видно, как тут красиво и как удачно расположена гостиница. Ожидание не обмануло. Лида успела отметить и шикарный ухоженный парк вокруг, и сказочный вид на море. Да и номер оказался прекрасным, с огромным балконом. На балкон первым делом Лида и вышла. Курила, любуясь закатом, прислушивалась к себе. Безмерного счастья, как раньше, не было, но и сожаления, что она здесь и одна, не возникло. Было просто хорошо. Отпуск почувствовался сразу, нелюбимые сугробы исчезли из памяти. Да и усталость накрыла, после такой-то дороги. Убаюкивающий шорох моря сделал своё доброе дело, наваял крепкий и спокойный сон на широкой удобной кровати.

Утро Лида встретила тоже на балконе. В номере имелись принадлежности для чая-кофе, а что может быть лучше кофе с видом на море и с сигареткой на рассвете в тропиках? Море шуршало, пальмы шелестели, в их мохнатых лапах перекликались какие-то птицы. Прекрасно отдохнув, Лида встала довольно рано, но на завтрак не спешила, любовалась всей этой красотой. Яркий ковёр сада переливался всеми красками, чаша бассейна была какой-то невероятной голубизны. Всё-таки природа здесь щедра до неприличия! Какие краски! Им даже определения не подобрать. И море неподалёку

движется, сверкает, переливается, свежий запах перебил даже аромат кофе и табачный дым. И тепло-о-о-о! Плюс тридцать пять воздух, плюс тридцать вода. Неплохо для января?

Когда она отдыхала-то последний раз? Давно. А так только к маме выбиралась, устраивая небольшие каникулы. На речку бегала, в лес, немножко отключалась от привычной суеты. Спать забиралась на сеновал, устраивалась на шуршащем, восхитительно пахнущем ложе, заворачивалась в тёплое лоскутное одеяло, стараясь забыться, уйти от своей не проходящей печали.

Племяшка Катька, рассматривая лоскутки, каждому кусочку историю подбирала. Лида, присмотревшись, тоже домысливала и фантазировала, придя к выводу, что судьба человеческая – она лоскутное одеяло и есть. События, встречи, дни ясные, времена горькие – вот и сшивается разноцветное полотно. У кого-то серенькое, у кого-то парчовое, как повезёт. Лидино одеяло долгие годы сшивалось из весёлых и цветастых кусочков, а сейчас вот маловато красок стало. Но ведь это не так! Вон перед глазами какая красота расстилается. Пора начинать всё это видеть, радоваться тому, что это есть. Сколько раз внушала ей мама, что надо научиться жить, с эмоциями, с чувствами, не огорчать близких своей печалью. Так устроен мир, нет в нём совершенства, но всегда можно найти светлые пятна. Мама права: надо жить, и жить настоящим, жить за себя, жить за Серёжку. Он не любил её хмурую, делал всё, лишь бы Лида улыбалась. А она его под-

водит, плачет, печалится, не живёт, а существует. И словно услышала: «Молодец, рыжая!»

Муж звал её рыжей, хотя красноватый оттенок волос проявлялся лишь на солнце. А она его величала серым: когда волком, когда зайчиком. Прекрасно сочетались серый и рыжая! Лиде ли обижаться на судьбу, её замужество дало столько женского счастья, что она сама себе порой завидовала. Много ли баб после десятка прожитых вместе лет так любили и горели, как в медовый месяц? Вернуть это нельзя, но это – было, и расшивало одеяло Лидиной судьбы шёлковыми яркими квадратами. И сейчас просто стыдно быть несчастной! Она может себе позволить подобный отдых, у неё есть много всего, и она будет жить по-настоящему.

Лида сощурилась довольной кошкой. Мисочку еды ещё для полного счастья. До встречи с морем надо всё же позавтракать. Решив извлечь из отпуска максимум удовольствия, Лида направилась в ресторан. Стойку с европейской едой она миновала не глядя. Яйца да ветчина с сосисками и дома в достатке. А вот все эти непонятные соусы, супчики, блинчики будем пробовать! И кофе, и тарелка с фруктами. Как же всё тут вкусно! И снова кофе, под сочный ананас, под нежнейшее манго. Под конец Лида все-таки отяжелела, дома-то она лишь кофейком по утрам пробавлялась. Ну, на то он и отпуск.

К счастью, Лида могла себе позволить есть всё, ни о чём не беспокоясь. Крепкая, но довольно стройная, фигурка не

менялась с юности. Она не была идеальной, но всё же очень даже ничего. Впрочем, Лида никогда не придавала особого значения внешности, искренне считая, что настоящее обаяние скрыто в чём-то другом. Она не понимала приятельниц, постоянно терзающих себя диетами, подправляющих то нос, то губы, то зад, то перёд. Результат всегда бывал один и тот же: счастье в личной жизни никак не зависело от полноты губ или разреза глаз. Хотя вокруг полно лиц, явно подкорректированных. Отель был не дешёвый, и публика соответствующая.

Что-что, а окружение волновало Лиду меньше всего, она не собиралась ни с кем знакомиться и общаться. Заканчивая свой неспешный завтрак, она лишь мельком огляделась по сторонам. Никто не был ей нужен, она приехала к морю и солнцу. С солнцем с утра уже пообщалась, теперь пора к воде. Сигаретка после кофе (это святое!), и можно двигаться к главной цели своего путешествия – к Сиамскому заливу.

Море не обмануло ожиданий. Бодрящая прохлада – это не для Лидии Ивановны Куприяновой! Тёплая, ласковая, словно шёлковая, вода, расслабляющая и обволакивающая – вот её стихия. Лежа на спине, Лида покачивалась в нежных волнах, глядя в небо, потом перевернулась и долго плавала, до приятного изнеможения. Нет, ну есть же место на планете Земля! Прямо создано для её, Лидино, удовольствия. Она даже шезлонг облюбовала на солнышке. Так хотелось нагреться впрок, прожариться, как следует! Уж очень она лю-

била высокие градусы и палящее солнце. Под этим солнцем Лида и задремала, выпав на время из действительности. Море что-то ласково шептало, солнце старательно грело, и она чувствовала себя почти счастливой.

Ирина

...Слёзы закапали на старинную полировку. Ира смотрела на своё несчастное лицо, отражённое в зеркале и спрашивала себя:

– Почему? Почему я? Почему сейчас?

Спрашивала, точно зная – ответа нет и не будет. Она пыталась удержать непокорные слёзы, но тщетно, остановить поток не удавалось. А ведь скоро явится Мишутка, и что она ему скажет? Господи-и-и, как же быть?

Всё-таки кое-как удалось с собой справиться. Ира прошла в ванную, умылась ледяной водой. Скрыть красные глаза и распухший нос не удастся, но хоть чуть-чуть убрать следы горя. Помнится, на кухне был пустырник, до сих пор никому не пригодившийся. Ну да, вот он, коричневый пузырёк, притаился в уголке. Накапав щедрую порцию, Ирина залпом выпила мензурку и вернулась к зеркалу. Подкраситься, что ли, чуток? Как всё скрыть от Мишутки, как сделать так, чтоб не догадался, хотя бы пока. Да ведь поймёт и догадается, он чуткий-пречуткий.

Он придёт, как всегда, с подарочком. Всё время появлялся на пороге с необыкновенной, солнечной, чуть смущённой улыбкой и прятал за спиной гостинец. Пироженку, букетик или ветку рябины с яркими ягодами – но всегда.

«Мишутка... Счастье моё, жизнь моя, любовь моя!» –

слёзы опять заблестели в несчастных глазах. Ну нельзя, никак нельзя! Нельзя показать, испугать, огорчить. Пусть ещё немного, но он будет счастлив и беззаботен. Ещё утром они были счастливы оба, счастливы бесконечно, безгранично, безмерно.

Мишутка был вторым Ириным мужем и первой любовью. Предыдущее замужество она старалась вообще не вспоминать, а вот нынешний муж дал ей такую восхитительную семейную жизнь, что Ира твёрдо была уверена: нет в мире жены счастливее, чем она. У неё самый добрый, самый надёжный, самый нежный, самый-самый любимый Мишутка.

Собственно говоря, он был вовсе никакой не Миша. Звали его Костя, Константин Лапиков. Обнимая, ласкаясь, Ира промурлыкала когда-то:

– Костя Лапиков – Косолапиков – Косолапенький – Мишутка!.. – повторила напевно. – Мишутка, Мишутка, Мишуточка!

– Меня в школе Топтыгиным звали, – усмехнулся он.

– Не-е-ет! – пропела Ирина всё так же нежно. – Мишутка!

Занятая печальными мыслями, Ира не сразу услышала звонок в дверь. Вздрогнула, неужели Костя? Открыла и увидилась: на пороге возвышалась подруга с тортом в руках:

– Я пришла к тебе с приветом! – возвестила Светка. – А ты чего ревёшь?

Как же вовремя она появилась! Всхлипывая, Ира выложила всё, что терзало её и заставляло лить горькие слёзы.

Совсем неожиданно для себя она услышала сегодня страшный, смертельный, убивающий диагноз: злокачественная опухоль. Началось с простой диспансеризации, Ира ходила по кабинетам, уверенная, что у неё всё прекрасно.

– На что жалуетесь?

– Жалоб нет.

Насторожило нахмуренное лицо очередного врача, консилиум в кабинете УЗИ². Потом пошли направления на разные анализы и обследования, а закончилось всё визитом в онкоцентр. До последнего Ира не верила, что все эти страшные слова относятся к ней. Несколько дней она добросовестно переносила все процедуры, уверенная, что ничего не найдут, и лишь сегодня поверила, хоть добрый доктор и уверял, что ничего страшного. Но уж слишком долго он перебирал бумаги, и в глаза старался не смотреть.

– Приговор окончательный и обжалованию не подлежит! – горько пошутила Ира. – Сказали, сделают всё возможное, но это же рак!

И она опять заплакала, отчаянно и безнадежно. Светка прижала её к себе, поглаживала тихонько, успокаивая:

– Ну, ладно, ладно! Мы ещё поборемся! Помнишь притчу о двух лягушках, попавших в молоко? Одна сразу потонула, а вторая трепыхалась, бултыхалась, сбила масло и выбралась наружу. Так что начинай бить лапками!

– Я что, по-твоему, лягушка?

² Ультразвуковое исследование. – Прим. ред.

– Ага! А должна быть царевной. Мужа нужно встречать красавицей, а не чудовищем. Иди, причепурься, я пока чайник поставлю. Я с тобой беду разделила, а ты со мной тортик разделишь.

Светкино присутствие помогло Ире успокоиться, словно она и вправду напополам поделила с ней горе. Выпив чаю с тортом, поболтав безостановочно обо всём, Светка умчалась, а Ира опять принялась думать, как бы уберечь от горя Мишутку.

Зачем судьба дала им счастье и надежду? Чтоб вот так, сразу, всё отобрать? Мало ей было прежних тумачков и обид? Прошлое начало мелькать перед глазами, вспомнилась вся прежняя жизнь. Такая длинная... И такая, оказывается, короткая!

...В Иришкином детстве было всё. Вкусная еда, красивая одежда, разнообразные игрушки и книжки, всё, что можно купить за деньги. И было противное слово «бизнес».

– У нас бизнес! – говорила мама, изредка показываясь дочери на глаза. Папа не показывался вовсе.

Из-за этого бизнеса у Иры не было ничего того, что должно быть в детстве. Никаких семейных праздников, совместных походов в кино, поездок за город и в гости. Чтобы мама спела колыбельную или рассказала сказку на ночь? Представить невозможно! У неё в это время деловая встреча.

Чтобы папа сводил в зоопарк, сфотографировал на пони

или с жирафом? Да никогда! Бизнес!

Это слово маленькая Ирочка не понимала и ненавидела. Бизнес приносил доход, но отнял родителей. Они здравствовали, однако в жизни дочери их не было. Ирину поили, кормили, одевали, учили – и не замечали. Она так старалась, чтобы её хотя бы похвалили! Напрасно. Иришка учила стишки и песенки перед праздниками, но на утренники к ней никто не приходил, никто не смотрел гордыми глазами и не хлопал в ладоши именно ей. А подарки своими руками? Любовно сделанная аппликация или рисунок неизменно оказывались в мусорном ведре.

И заботливой бабушки с колыбельными, сказками и пирожками у неё никогда не было. Заплетала косички, подавала обед, смотрела дневник вечно хмурая няня Евгения Станиславовна. Не тётя Женя, не нянечка, а именно Евгения Станиславовна. Малышка старательно выговаривала непростое имя, но всё ж ошибалась порой и получала выговор. Нет, няня не была жестокой и грубой, злых слов Ира не слышала, но и добрые в её адрес не звучали никогда. И от няни исходило холодное равнодушие, тепла от неё не ощущалось. Евгения Станиславовна любила повторять по любому поводу:

– У некоторых только манны небесной нет! Ты бога благодари, что в таком доме живёшь. Да тебе сотни других детей позавидуют!

Но никто и никогда Ире не завидовал. Это она отчаянно,

до слёз, завидовала тем самым другим детям. После выходных то и дело в школе на переменках звучали рассказы о поездках к бабушкам, на дачу с шашлыками, походах семьёй в цирк, в кинотеатр и кафе-мороженое. У Иры всегда были карманные деньги, она могла себе купить сколько угодно мороженого, но это же совсем не то!

И рассказы о каникулах на море, опять же с мамами и папами, расстраивали и заставляли завидовать. Став постарше, Ира поняла, что никогда не дождётся маминой ласки и папиного внимания, и совсем перестала ждать и надеяться. От природы тихая и мягкотелая, она сдалась и продолжала жить в своем холодном и скучном коконе, знакомясь с другой, настоящей, жизнью по книгам и фильмам.

Со временем Ира ко всему привыкла и не обижалась на равнодушие близких, а возражать и что-то требовать совсем не умела. Покорно окончила школу (и прекрасно окончила), безропотно поступила в выбранный родителями институт. Училась, по-прежнему окружённая стеной строгости и равнодушия, словно робот, управляемая нужной кнопкой.

Она выросла хорошенькой, мальчики ею интересовались, но Ира пугалась, шарахалась и ни разу даже на свидание не ходила. Получив образование, она надеялась пойти работать, стать самостоятельной и вырваться, наконец-то, из своего сумеречного мира. Не тут-то было! Оказалось, что давно уже выбран подходящий жених, за которого следовало немедленно выйти замуж. И Ирина пошла, без любви, без желания, за

кого велели, не сопротивляясь. Почему-то ей казалось, что это правильно, что так и должно быть. Что можно сделать выбор, самой встретить любовь, ей и в голову не приходило. Вот уродилась такая послушная – и всё тут. Все девушки должны выходить замуж, и в сватовстве ничего плохого нет, тем более что кандидат из их круга, свободный, видный, обеспеченный.

После свадьбы Ира переехала к Борису, но казалось, что она всё там же, в скучном болоте. Почему-то и Евгения Станиславовна, постаревшая, но не изменившаяся, строгая и суровая, перебралась в новый дом вместе с хозяйкой. Светка хихикала: вот так приданое! Она подозревала, что мрачная тётка является надсмотрщиком и шпионкой, а Ира считала, что домоправительница взята ей в помощь, чтобы молодой жене было полегче.

Знания о семейной жизни у неё были чисто теоретические, первая любовь, первый поцелуй, первые прикосновения и объятия совсем неведомы. Муж объяснил, что от неё нужно, выяснилось, что совсем немного. И спальни были отдельные, Борис посещал её нечасто, да она и не жаждала. Супружеские отношения особых эмоций не вызывали. Ира и это считала нормальным, она читала, что женщина просыпается не сразу.

Вот Светка – та проснулась давным-давно, и Ире кое-что объяснила. Но Светки теперь постоянно рядом не было. Она почти одновременно с Ириной вышла замуж, только добро-

вольно и по большой любви, тоже вила гнездо и не имела времени на общение. К тому же Борис Светку невзлюбил, был против её визитов. А против отлучек жены из дома возражал категорически.

В общем-то, Борис был совсем неплохим мужем. Он был всегда ровным и спокойным, не повышал голос, лишь иногда ледяным тоном выражал недовольство. Этого тона Ира пугалась, и старалась мужа не раздражать. Ему и надо было всего ничего: порядок в доме, вкусная еда, отглаженные рубашки и чистая обувь. Всё это делали специальные помощницы, но за результат отвечала только Ирина. Стиркой, готовкой, уборкой она не занималась, но приходилось постоянно наблюдать, проверять, пробовать.

В деньгах Борис Иру никогда не ограничивал, даже наоборот, периодически объявлял, что ей необходимо новое платье или очередная шубка, и отправлял с водителем по магазинам. Подарком по всем поводам неизменно были драгоценности, и не простая штамповка, а солидные, штучные. Светка, которая всё же навещала иногда подругу, подшучивала:

– Ты для него свинья-копилка! Он не побрякушки тебе покупает, а деньги вкладывает, расчётливый наш!

Но Ира верила, что подарки делаются, чтобы её порадовать. Впрочем, радостей в её жизни было мало. Наряды и украшения надевались изредка, когда нужно выходить с Борисом на нужные встречи и мероприятия. Собственных,

личных, праздников у неё не было никогда, как не было и семейных вечеров на даче с друзьями и шашлыками. И в отпуск вместе они не ездили. Чем дольше Ира была замужем, тем больше чувствовала, что сдержанность Бориса – это всего лишь равнодушие, и права Светка, жена для него – всего лишь часть пресловутого бизнеса. Но...

Мужа Ирина с первого дня слушалась покорно во всё. Он был взрослый, умный, он всё лучше знал, дружил с родителями и тоже «имел свой бизнес». Ира же бизнесом не интересовалась: это были «взрослые» дела, а от неё требовалось хорошо выглядеть, сопровождать, когда нужно, мужа и следить за домом. Впрочем, иногда она что-то подписывала, но никогда не смотрела, что именно. И такой глупышкой Ирина была чуть ли не до тридцати лет! Было уютное гнездо, были старшие, думающие за неё, решающие все вопросы, зачем самой-то принимать решения?

Ира жила, как жилось, привычной, скучной, обыденной жизнью, среди равнодушия близких и отсутствия каких-либо эмоций. У неё не было поводов радоваться или печалиться, она никогда не плакала, но и смеяться было не над чем. И лишь иногда, насмотревшись фильмов или пообщавшись со Светкой, Ира задавалась вопросом: какая у неё жизнь? Дом, муж, заботы, всё как положено, всё как у всех. И всё-таки есть совсем другая жизнь! Мир, где люди любят, страдают, льют слёзы, от души смеются, так и оставался для Иры закрытым.

Светка откуда-то привезла шикарное покрывало в спальню.

– Пэчворк!³ Последний писк моды! – гордо возвестила она. – По-нашенски, по-простецки, лоскутная техника. Из клочков, из лоскутков, из ничего – а красотища!

И вправду красотища. Пёстрое, переливчатое, яркое покрывало сразу приукрасило комнату. Вот и жизнь у кого-то бывает такая, пёстрая и яркая, где каждый день сверкает новыми красками и не похож на предыдущий, где судьба сшивает своё полотно то из шёлка, то из тёплой фланельки, то парчу подложит. Отчего же у Иры такого нет, всё одинаковое, неинтересное, мышино-серое? Подобные мысли посещали голову, но быстро улетучивались, а унылая жизнь так и тянулась: год, два, десять лет.

И всё-таки наступило прозрение. В автокатастрофе погиб отец. Незадолго до этого он как-то странно себя вёл, приезжал к Ире, говорил что-то непонятное, вроде:

– Ничего не бойся, девочка, я подумал о тебе! – И постоянно расспрашивал, как ей живётся, счастлива ли она. Ира ничего не понимала, тревожилась, и неизменно отвечала, что счастлива, не решаясь выведать, отчего же папа так переменялся. Так и не узнала, лишь гораздо позднее кое о чём догадалась.

В этой злополучной аварии всё вызывало подозрение, но

³ От англ. *patchwork* («изделие, сшитое из лоскутов»). – Прим. ред.

дело замяли. Отец сам никогда не садился за руль, ездил только с водителем. И практически не пил, у него было слабое сердце. А оказалось, что пьяным гнал на бешеной скорости, вот ведь странность! Да ещё и разбился далеко за городом, где ему совершенно нечего было делать. Но Ира по-прежнему не слишком задумывалась. Она горевала из-за раннего ухода папы, он ведь был ещё не стар, но печаль её не была глубокой, а уж разбираться в случившемся осиротевшая дочь никогда бы не решилась.

Больше волновало другое: очень хотелось ребёночка, а беременность отчего-то не наступала. Особенно остро Ира это почувствовала, когда увидела сынишку подруги. Поняв щекастенького бутуза, Ира совсем расстроилась, что ж у неё-то нет такого чуда? Мать водила Иру к своему врачу, та назначала какие-то пилюли, а детишек всё не случалось. Это потом всё разъяснилось, всё стало ясно и понятно, но пока Ирина пребывала в полной слепоте, наивно полагая, что всё хорошо и правильно в её жизни, и все вокруг хорошие. А оказалось, что не все и не всё, а вообще, сплошной детектив с криминалом. И конец у этой почти детективной истории вышел очень печальным.

Мама после кончины отца не горевала нисколько. Спустя какое-то время Ира стала замечать, что её мать и муж постоянно вместе. То маменька у них загостится и ночевать останется. Ирочку, как маленькую, спать отправят, мол, тебе это неинтересно, а сами за разговорами полночи просидят.

Бывает, в какую-то командировку отправятся вместе, аж на несколько дней. А иногда муж являлся под утро, объясняя, что был вместе с Натальей Павловной на деловой встрече. Ира всё принимала за правду, ни в чём никого не подозревала, доверяла обоим безоговорочно. Близкие же люди!

Тем временем мать оформила наследство и стала продавать имущество. Ира опять что-то беззаботно подписывала, по-прежнему ни о чём материальном не думая. И так есть, кому думать: и мама, и муж – люди деловые, во всём разбираются. Доверяла, ни о чём не догадывалась, пока чисто случайно не увидела не слишком приятную картину: жаркие объятия и страстные поцелуи собственного мужа и родной матери. Она даже глазам своим не поверила. Её заметили, но объятий не разомкнули. Значит, не показалось, Ира, заплакав, кинулась к ним:

– Мама, мамочка, как ты можешь!?! Я же дочь тебе!

Тут-то на Иру и полилась холодная вода, да не из ушата, а целым Ниагарским водопадом. Мать смотрела на Ирину холодно и отчуждённо, потом заговорила презрительно:

– Ма-а-а-ать? Да никакая я тебе не мать! Твой папенька в благородство решил поиграть, когда о тебе узнал. С какой-то шалавой состряпал ребёночка, а она тебя кинула, в приюте оставила. Нашлись добрые люди, чтоб им пусто было, сообщили отцу. Поехал ведь, разыскал, домой забрал. Вот и посадил тебя мне на шею, папаша, блин! А спросил – оно мне надо? Мамаше ты, значит, не нужна была, а мне зачем? Так

нет же! Всю жизнь тебя тяну, хватит! Нет у меня дочери и никогда не было! Поняла, дурында?

Страшная правда не сразу дошла до Иры. Её действительно родила какая-то непутёвая подруга юности отца? Родила и бросила? Как же так? Разве мама может поступать так жестоко? Папа не оставил, взял к себе, ненужную, нежеланную. Понятно теперь, почему так холодно к ней относились и отец, и, оказывается, не мать, а мачеха. Ладно хоть, все эти годы особой злобы Наталья не проявляла. И на том спасибо.

Говорить «спасибо» оказалось рано. Наталья и Борис давным-давно стали любовниками, и всю эту комбинацию с женьбой, оформлением и присвоением имущества, денежных счетов долгое время разрабатывали и проворачивали. Ладно Ира! Но они и отца ловко обработали, он ещё при жизни во всём слушал Бориса, считая его лучшим другом, и жену, которой всегда верил. И вряд ли его смерть была случайной.

А Наталья нанесла ещё один жестокий удар:

– И детей у тебя нет не просто так! Мой врач позаботилась, спираль поставила, а ты и не поняла ничего, идиотка! На хрена нам лишние нахлебники?

Злоба так и выплёскивалась из мачехи. Сдерживаясь столько лет, сейчас она не стеснялась в выражениях:

– И ни на что не рассчитывай, отродье беспородное! Всё, что есть, моё. Моё!.. Я всю жизнь горбатилась, папаше твоему угождала, на тебя время и деньги тратила. Ты палец о па-

лец не ударила, только пользовалась всем, бездельница! Хорошо, что дура дурой, давно на всё отказы подписала, и даже не заметила! Папаша перед смертью учудил, счётёц на тебя оформил, а вот фигушки! У Бореньки доверенность от тебя, и денежки наши! Наши! Вот, поди же, попляши!

Ира осталась ни с чем. Преуспевающая фирма, роскошные квартиры, машины, бабушкин деревенский дом – всё было обращено в деньги и оказалось в жадных лапах Бориса и Натальи. Впрочем, кое-что Ирина всё же получила. Комната в жуткой коммуналке, с алкашами, клопами и тараканами – вот и всё наследство! Каким-то образом это место жительства было записано в паспорте, там же и штамп о разводе оказался. Мачеха сунула Ирине паспорт и произнесла насмешливо:

– Утром переезжаешь! Я добрая, на ночь глядя тебя не выгоню. Ступай к себе, я больше не хочу тебя видеть!

Ира смотрела беспомощно то на бывшую мать, то на изменившего ей мужа. Она никак не могла понять, что происходит. Наверное, это страшный сон и она вот-вот проснётся. Еле пролепетала, обернувшись к Борису:

– Боря, как же так? Ты мой муж!

– Уже нет! – Холодный и равнодушный взгляд добил Иру, она побрела в свою спальню, совершенно не представляя, что теперь делать.

Вот почему отец так беспокоился о ней перед смертью! Видимо, он обо всём догадался, и хотел хоть как-то защитить

дочь. Но подлый друг и неверная жена оказались хитрее, они легко расправились с наивной дурочкой.

Бороться Ира не умела, думать и рассуждать здраво после такого удара не могла, приняла всё, как есть. Прошлое кончилось, исчезло, как и не было его. Потерянная, раздавленная, беспомощная Ира оказалась не у разбитого корыта, а и вовсе без него.

Из прошлой жизни осталась только Светка. Ох, если бы не она...

Светка, добрый ангел, друг, товарищ и брат, была единственным человеком из внешнего мира, допущенным в замкнутый и скучный Ирин мирок.

Света

В Светке все было слишком. Слишком крупные для девочки размеры, слишком яркая внешность, чересчур блестящие черные глаза, очень пухлые губы. Со временем появилась и вызывающе массивная грудь, короткие юбки и нахальный макияж.

– Шалава! – бросали вслед подъездные бабушки, провожая взглядом статную фигуру, издали бросающуюся в глаза.

– Ну и стерва! – оценивали по первому взгляду окружающие.

Довольно высокая, с копной тёмных выющихся волос, она была красива и очень заметна, реагировали на неё по-разному, но все и всегда. Светка ни на что и ни на кого внимания не обращала, посмеивалась и жила так, как считала нужным сама. Училась она отлично, таскала из школы лишь пятёрки, за уроками не просиживала, светлая голова схватывала всё на лету. Именно потому ей нашлось местечко в жизни Ирины. Та соображала куда медленнее, уроки делала часами, писала с ошибками, считала плоховато. И не потому, что ума не хватало, а мешали природная робость и стеснительность.

Первого сентября они попали в один первый класс. Лопухие мальчишки с тщательно приглаженными вихрами, нарядные девчухи с огромными бантами на куцых хвостиках потянулись гомонящим ручейком. Опытная учительни-

да сразу выделила в стайке взволнованных ребятешек этих двух первоклашек. Крепкая боевая девчонка решительно вошла в класс, охватывая смышлёными глазёнками всё вокруг. А хорошенькая, как куколка, малышка жалась в дверях, шагу не решаясь ступить. Так они оказались за одной партой, педагог посчитала, что решительная Светка, как никто другой, поможет освоиться растерянной тихоне. И оказалась совершенно права. Дальше по жизни эти юные девицы пошли вместе.

Светлана с первого класса взяла над одноклассницей шефство, помогала, объясняла, делала по два варианта на контрольных. Даже в дом была допущена, хоть и без приветливости со стороны чопорной Ириной родни. Суровая Евгения Станиславовна, имя которой малышка чётко выговорила, здороваясь, всегда пускала Светку в квартиру и даже обедом угощала.

Такие разные внешне и по характерам, девочки были схожи в одном: они совершенно не были нужны своим родителям. Но если у Иры было всё, кроме любви и ласки, то у Светы не было вовсе ничего. Пьющие родители заботами о ребёнке себя не обременяли, в доме порой куска хлеба не было. Ира делила с подругой обед, давала что-нибудь с собой, чтоб подруге не пришлось лечь спать голодной. Светка судьбе не поддавалась, рано начала подрабатывать, то собачку выгуляет, то в магазин сбегает, то с ребёнком посидит. Шла по жизни уверенно и весело, и если и была чересчур

вызывающей, то только назло своей недоброй судьбе.

Светкины мозги и знания помогли ей без проблем поступить в тот же институт, куда Иру за деньги пристроили родители. Она и там на первых порах подтягивала подружку, хотя, повзрослев, Ира стала осваивать знания куда лучше. Но дипломы им негодились: почти одновременно девушки оказались замужем.

С юных лет Светка заводила бесконечные романы, каждый раз погружаясь в пучину страсти глубоко и надолго. Однако постоянно оказывалось, что это ещё не любовь, а ошибка молодости, и появлялся новый объект безумных страстей. Одно из увлечений оказалось очень уж сильным, и Светка, при фате и белом платье, потопала в ЗАГС. Замужество выглядело со всех сторон перспективным. Жених был симпатичен, образован и из обеспеченной семьи. Светка, тоже симпатичная и образованная, родителями похвастать не могла, но семья жениха претензий к родословной не предъявляла, Светку приняла благосклонно и даже ласково. Приятным бонусом оказалась и подаренная на свадьбу квартирка, так что Светкина жизнь на тот момент была сплошным удовольствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.